

Арзамазов Алексей Андреевич

ПРИРОДНО-ПЕЙЗАЖНЫЙ КОД В ПОЭЗИИ ПЕТРА ЗАХАРОВА: ОБРАЗЫ, МОТИВЫ, СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ

В статье рассматривается природно-пейзажный код в поэзии Петра Захарова – образы, мотивы, хронотопы, лежащие в основе его художественного мировосприятия. Устанавливаются некоторые тенденции поэтического обыгрывания натуралистической символики, выявляется стремление автора выйти за рамки удмуртской лирической традиции, фиксируется постепенное снижение живописности в творчестве П. Захарова, количественное уменьшение "пейзажных" стихотворений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 19-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.511.131

Филологические науки

В статье рассматривается природно-пейзажный код в поэзии Петра Захарова – образы, мотивы, хронотопы, лежащие в основе его художественного мировосприятия. Устанавливаются некоторые тенденции поэтического обыгрывания натуралистической символики, выявляется стремление автора выйти за рамки удмуртской лирической традиции, фиксируется постепенное снижение живописности в творчестве П. Захарова, количественное уменьшение «пейзажных» стихотворений.

Ключевые слова и фразы: природно-пейзажный код; образная символика; этнофор; удмуртская картина мира; удмуртские хронотопы; традиционная культура; поэтическая традиция.

Арзамазов Алексей Андреевич, к. филол. н.

*Удмуртский институт истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
arzami@rambler.ru*

ПРИРОДНО-ПЕЙЗАЖНЫЙ КОД В ПОЭЗИИ ПЕТРА ЗАХАРОВА: ОБРАЗЫ, МОТИВЫ, СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИ©

Удмуртская поэзия пронизана многогранным ощущением природы. С одной стороны, любая литературная традиция в значительной степени обращена к природной символике. Образы, мотивы, связанные с реальной картиной мира, с географическо-климатическими, ландшафтными, растительными, анималистическими условиями и особенностями территории проживания писателя, в произведении обретают уникальное эстетическое, культурологическое значение, выступая как универсальный и при этом индивидуальный, идиостилевой способ самопроявления, мироописания. С другой стороны, разные литературы в силу своего стадийно-типологического развития имеют «неравные» отношения с природой – от очень тесных, родственных до ослабленных «урбанистическими» интеллектуальными теориями, социополитическими кризисами, дилеммами, психологическими поисками. Рассуждать о сопряженности поэзии и природы можно безгранично – эта тема может иметь множество уровней, граней, тематических «подкастов». Следует лишь согласиться с мыслями М. Эпштейна, что «сама поэзия – это второе “Я” природы, ответ на ее потребность обрести язык; поэзия находит в природе не только свои ритмы и строфы, но прежде всего тот дух естественности, непредсказуемости, которым сама дышит...» [15, с. 17].

Удмурты, как и некоторые другие «миноритарные» народы России, в силу множества внешних и внутренних факторов вплоть до XX столетия (быть может, даже до XXI?) счастливо сохранили самобытность общения с природой, окружающей средой: «веками удмуртский мир был столь органически связан со своим природным окружением, что не только не противопоставлял себя ему, но даже не осознавал его как нечто отличное от себя. Антитезы —природа – человек» не существовало, они были едины и неделимы» [4, с. 11]. Многочисленные зооморфные, орнитоморфные сюжеты в средневековой материальной культуре удмуртов отражают первоважное значение природного космоса в повседневной-бытовой и духовной жизни этноса. Даже поверхностный взгляд на удмуртскую традиционную культуру, религиозно-мифологическую картину мира выявляет сакральное отношение удмурта к окружающей природе, которая в сознании этнофора «раскладывалась» на ключевые символы, сквозные образы, «обрастала» обрядовыми сюжетами. Закодированным образам удмуртского традиционного мировоззрения посвящены монографии, научные статьи [3; 5, с. 195-199; 6, с. 9-19; 7; 8, с. 54-66; 9; 12, с. 184-193; 13, с. 56-71; 14]. Природный компонент в этих исследованиях, как правило, является генеральным, восходящим к первоосновам мифологического мышления удмуртов. Символика природы, запечатленная в слове, репрезентативно представлена в удмуртском фольклоре. Именно природно-образные выразительные средства фольклора на этапе становления удмуртской литературы обеспечивали поступательное движение, поддерживали ее рудиментарные художественные инициативы. Рассуждая об этой фронтальной, генетически predetermined «натуралистической» ориентированности национальной поэзии, мы будем оперировать дефиницией «природно-пейзажный код».

Природно-пейзажный код – система разнородных символов, имеющих непосредственное природное происхождение и в поэтическом мире вступающих во взаимодействие с воспринимающим сознанием человека. Вынесенный в заглавие статьи конструкт в реальности художественного произведения представлен серией устойчивых образов и мотивов, которые аккумулируют в себе значительные пласты культурной и персональной информации (географический, ботанический, фольклорно-мифологический, биографическо-протекстовый и т.д.). В аспекте данного исследования актуальность приобретают смысловые контексты природной образности, пейзажей, говорящих или «молчащих» о мире переживаний, мыслей, эмоций, иллюзий, страхов, надежд, духовных исканий и заблуждений авторского субъекта. Декодируя многозначную «натурфилософскую» символику удмуртской поэзии, появляется возможность ощутить в зеркалах творческого осмысления, проанализировать метаморфозы и/или «постоянства» отношения лирического героя к себе, другим, народу, стране, эпохе и, разумеется, к самой природе.

Одним из наиболее интересных удмуртских поэтов, обращающихся к источникам природного мира, природно-пейзажному коду, является Петр Захаров. Его творчество (преимущественно раннее) пронизано особым чувством природы, отсюда – яркая изобразительность, визуальность образов, картин внутривторной действительности, повышенное внимание к звуку, акустическим сигналам окружающей среды, выявление и описание запаха, аромата удмуртских хронотопов. Нужно признать, что П. Захаров, не взирая на постмодернистские заигрывания с языком, этносом, мифом, прошлым и современностью, авторскую установку отличать, быть другим, в своих «природных» стихотворениях остается в контексте национальной поэтической традиции, разворачивает, развивает гипертекст удмуртской «тихой лирики». Наиболее репрезентативная книга П. Захарова «Вож выж» («Зеленый мост») включает в себя немало текстов, в которых природа предстает и как фон, и проекция внутреннего голоса «Я», выступает в качестве самодостаточного персонажа, взаимодействующего с человеком [1, с. 33-38]. В творческой картине мира П. Захарова природа – это целостная система, добрая, мудрая, этнически окрашенная, хранящая память о счастье детства и юности. Вписывая себя, свою жизнь в природу, авторское «Я» обретает гармонию, спокойствие, уверенность в «прочности» удмуртской цивилизации. Природно-пейзажный код в стихотворном корпусе «Вож выж» привлекается автором для художественной актуализации важных тем, мотивов. Природная изобразительность особенно нужна тогда, когда речь идет о перипетиях любви, одиночестве, выборе жизненного пути, смерти, счастье, печали, родине. Природа регулярно соотносится с вспоминающе-визуалистским типом мировосприятия, присущим авторскому сознанию. Тексты и образы природы, «натурфилософские» сюжеты ранней лирики П. Захарова были рассмотрены в рамках отдельного монографического исследования [2]. Проинтерпретированные стихи из книги «Вож выж» позволяют сделать вывод о том, что в природно-поэтической концепции П. Захарова отсутствуют некоторые художественные закономерности, широко представленные в творчестве других удмуртских поэтов. Так, в книге нет четко выраженной, психологически маркированной противопоставленности времен года, на уровне текстов не фиксируется острота переживания межсезонья, «сезонной переходности». Примечательно, что природные хронотопы редко соотносятся с пространством Удмуртии. Поэт, родившийся в удмуртской деревне, расположенной на территории Татарстана, внутренне-визуально ориентируется на эти земли, пейзажи. Здесь его этнические корни, родники.

Природные образы встречаются в последнем стихотворном сборнике Петра Захарова «Карас», еще не попавшем в орбиту научных исследований. Увлекаясь разноформатными художественными экспериментами, поэт не забывает о символической гибкости языка природы. Однако в силу «постмодернистского состояния» большинства текстов развернутые пейзажные панорамы, живописные сюжеты не имеют возможности «прорасти» сквозь эклектичный поток мыслей, слов, тем. Эти лирические компоненты, казалось бы, «разбросаны» и зачастую не связаны общей семантикой, каждый из них словно существует в автономно-замкнутом смысловом измерении. Характерный пример – стихотворение «Веттаськы бубыли» («Качайся бабочка»), где образы природного мира сосуществуют с авторским культурологическим пафосом, мифотворческими амбициями: *«веттаськы / бубыли / ву вылын чигьлон / пус куя куаралы / бурдъяськон тылызэ тылыя / вордскымтэ кырзанлэн / тылсыя бордонэз / лысвээн кесяське инсьбрысь лысвулы / бурдъяськон тылъясьын лымыя / тёл вылын / кыммылэм куараос / кырзанлэсь вордсконзэ шбдыса жугысько / азьпала потыны / нюлэсьёс бырийзы чашьёно крезь кызэз»* [11, с. 11] – «качайся / бабочка / ломка на воде / бросает знаки голосу / крылья закрепляют свои перья / лучезреющий плач / неродившейся песни / росую кричит космическим росам / крылья порохатся огненным снегом / и на ветру / замерзшие звуки / почувствовав рождение песни теперь сражаются / чтобы пробиться вперед / леса избрали ель для крезья в которую ударит молния». Насекомые, птицы, снег, роса, ветер, лес оказываются собранными в пределах одного лирического произведения, составляя сложную зону художественного взаимодействия мысли и образа. П. Захаров концентрирует свои творческие усилия на мифах, экзотических мифических существах, причем не только удмуртских. Автор выводит на авансцену поэтического действия крылатых львов, ходячих рыб, слонов-асланов, других диковинных персонажей. Во втором стихотворении «Зардон сиос вордъськыку» («Во время рождения лучей зари») [Там же, с. 38-39] сюжетная картина аналогично сконструирована при помощи следующих друг за другом образов – пространственных, атмосферных (холм, поле, ветер, роса). Лирическое «Я» во время рождения лучей зари стоит на холме, умоляя Инмара (верховного бога) взять его к себе. Мольба остается неуслышанной, героя поддерживает только ветер. В четвертом стихотворении этого же цикла субъект, находясь в акватории великой реки Ватка (Вятка), коммуницирует с ящерицами, рыбами, чайками, проявляя мистическую включенность в те сферы, куда обычному человеку путь закрыт. Удмурт, согласно Петру Захарову, – часть природного универсума, он говорит с природой на одном языке. Его присутствие чувствуют птицы, поля, деревья, небо: *«Мон удмурт кадь кылзйськи туно пельёсыным: / Тылобурдо / мон лыктйсько шуса / кырза вал / Мон удмурт кадь ик малпай туно йырьвизьмыным: / Тылобурдо / азьвыл ик тодйз / мынэсьтым яг вöзтй ортчемме / со сярись тодйзы бусыос / писпуос сюресьёс но инбам / Мон удмурт кадь шбдыны кутски туно шбдонэным: / мон ачим но / та инкуазьлэн люкетэз / пичи люкетэз / та осконлэн / кудйныз шокало лысвуос / Нош Тылобурдо мон валай удмурт туно валанэным: / со мынан лангае / кыктосэ / озшорыез ачим / люкетэ кудйныз / уг быгатйськы кивалтыны / кудйз быдэсак эзылэ / та писпуос бусыос но / инбам пöлын»* [Там же, с. 40] – «Я как удмурт прислушался ушами туно: / Птица / пела / что я иду / Я как удмурт подумал головой туно: / Птица / заранее знала / что я / пройду около леса / об этом знали поля / деревья дороги и небо. / Я как удмуртский туно начал чувствовать: / я и сам / частица этой природы / маленькая частица этой веры / которой

дышит роса / А птица я понял знанием удмуртского туно: / это мое эхо / это мой двойник / это та моя часть / которой / я не могу управлять / которая полностью растворяется / среди этих деревьев лугов полей / и облаков». В стихотворении актуализируется тема магического, эзотерического знания, которым обладает удмурт, человек природы. В некоторой степени акцентируется асоциальность лирического «Я» – он не может в полной мере жить по законам индустриального социума. Этнофор, ощущающий свое древнее и близкое родство с природным космосом, не боится экзистенциальных кризисов, социальных сломов, апокалиптических прогнозов: «Этот звенящий мир, если превратится в черный лес, я не вздрогну, я найду свой куст для песен» [Там же, с. 51]. Природа в книге «Карас» полна тайн, ее замыслы просто так не понять, не «охватить» человеческим пониманием. П. Захаров противопоставляет своего героя другим – людям современной цивилизации, оторванным от корней, утратившим навыки корректного, гармоничного общения с окружающей природной средой. Им не ясно, в чем сходство воды и солнца, как золотой песок становится знаком счастья, почему серебряная вода «созревает». Эти процессы ведомы избранным, посвященным, среди которых – поэт и его герой. Таинством окутан мифический дуб Бой-терек: его омывают серебряные ключи, тень у него зеленая, листья белые, ствол красноватый. Возникает ощущение, что поэту уже скучно поэтизировать реалистичную природу, ему нужны вымысел, яркие краски мифа. Природа в сборнике «Карас» уводит в прошлое, в ритуалы, в традиционную культуру, вызывающие у автора чувство гордости. Казалось бы, об этом стихотворение «Нунылыко адзон» («Видение глазами ребенка») [Там же, с. 78-79]. Видение мира глазами ребенка – по-видимому, метафора особого состояния этноса, этнофора, подразумевающая их всесильное единство с природой, чистоту помыслов, знаковость всего происходящего. Речь идет об «арских» землях, счастливо-несчастливых для удмуртского народа: былое величие осталось лишь в исторической памяти, изредка отзывается в преданиях, просится в художественные сюжеты.

Природная символика в отдельных текстах «Карас» отображает высокую степень «поэтической свободы» (Ю. В. Казарин) П. Захарова, заключающуюся не только в его языковых поисках, но и в небанальной сочетаемости образов. Почти в любом стихотворении книги можно найти новаторские, неожиданные с точки зрения удмуртской лирической традиции обороты: «улон кошке бубыллэн тыбыр вылаз» [Там же, с. 82-83] – «жизнь уходит на спине небесной бабочки»; «май вовка ленин бабай кочышьёсын зоре... кузьылиос улвай вылти толэзь сьоры лэсты скорес гудыръяэн гырдалляса кошке вось интыез пуйсыс толэс-ужси» [Там же, с. 114-115] – «май вовка дедушка ленин кошками падает дождь... муравьи от кустика до обратной стороны луны делают дорогу громами гремя уходит отмечающий место моления годовалый жеребец». В целом стихотворения из книги «Карас» сложно отнести к образцам природно-пейзажной лирики. П. Захаров к середине 2000-х гг. с головой уходит в лингвостилистические эксперименты, в постмодернистскую поэтическую культуру, пытается играть в «современность» литературы. Код природы уже не является доминирующим началом его творческой системы.

Пётр Захаров многие свои тексты не включает в поэтические сборники, публикует их на страницах малотиражных удмуртоязычных журналов или размещает в закрытых для посторонних интернет-ресурсах. Поэт предпочитает ими делиться с проверенным близким кругом людей, готовых оценить, прокомментировать только что написанное. Несколько произведений, датированных 2013 годом и ещё не представленных «в полном объёме» читательской аудитории, содержат интересные примеры художественного обыгрывания природных образов. Эти тексты, недавно опубликованные в журнале «Инвожо», впервые становятся объектом литературоведческого анализа. В стихотворении «Тау, кыз» («Спасибо, ель») [10] дерево являет собой сакральный образ, стержень пространства. Поэт не изменяет себе и вновь моделирует континуум «концентрированной» удмуртской картины мира, предлагает свою версию – как в идеале должны выстраиваться отношения человека и природы. О значении деревьев в традиционном мировоззрении, мифологии удмуртов была написана не одна работа, национальная поэзия избрала дерево ключевым визуальным, «энергетическим» символом. П. Захаров следует такой установке и ставит священную ель в центр сюжета – к ней обращены молитвы, чаяния людей, ее космический статус чувствуют, признают животные, птицы. В тексте большую роль играют цветовые обозначения, регулярно сопровождающие у П. Захарова развертывание эзотерических мотивов, мифологических откровений: «Вазь чукна, зардоньсь льбълмыт си кыз йылэ ййтскыку, / Султылыз удмурт лул кыз вёзы, киоссэ лэзыса. / Со вёзы дугдылыз сьод пуны, пуксьылыз луд куака, / Собере жутскылыз льбъл шунды, музьемез чупаса... / Шодылыз удмурт лул, тыбыраз жутйсько вал тблъёс, / Пельнумаз кылдыло вал капчи но кужмо бурдъёсыз, / Вань инвис котырын вужоись кадь гомзо вал тылъёс – / Чылкытам удмуртлэн инмарлы тау карон кылъёсыз» [Там же] – «Ранним утром, когда розоватый луч зари задел верхушку ели, / Вставала удмуртская душа возле ели и протягивала свои руки, / Возле нее (ели) останавливалась черная собака, на нее садилась ворона, / А потом всходило розовое солнце, целуя Землю... / Чувствовала удмуртская душа, что из-за ее спины поднимались ветра, / Что из-за плеч вырастают легкие и мощные крылья, / На горизонте, словно радуга, вспыхивали огни – / Благодарственные слова очищенного удмурта, адресованные Всевышнему». Идиллические зарисовки жизни удмуртов (без каких-либо историко-хронологических уточнений, без периодизации) наблюдаются в стихотворении «Рай» [Там же], которое *sub specie* прочтения не кажется простым. Автор ведет диалог с неизвестным лицом (лицами), очерчиваются пространственно-временные границы (этот берег – тот берег), интенсифицируются различные процессы, действия, в первую очередь, описывающие жизнь природы. На том берегу – зима, идет снег, там шумят ветра, на «крайском» берегу авторского субъекта – набирающая обороты весна, всеобщее пробуждение. «Я» возвращает себя в «осознанное» детство (12 лет), в счастливое созерцание повседневно-возвышенных удмуртских будней,

наполненных светом физического труда, аграрными надеждами, обрядовыми ожиданиями. В данном случае природно-пейзажный код, помимо реализации эстетической функции, способствует поэтическому раскрытию идеалов полноценного этнического бытия, в основе которого – экологическая гармония. Впрочем, стихотворение несет в себе некую тайну, некоторую смысловую непроявленность: «Эй, сопал ярдурьёс, мар отын, толалтэ-а тйляд, / Нош милям дасяське кадь тулыс – шуньт лыз, / Зырдатэ йырсиез пось шунды, вожектэ кадь колыс, / Кыче ке но бурдо кызкульы тысьёсты тэшыкыля. / Пукисько мон югыт из вылын, оз дас кык аресо, / Туж потэ сереме, туж умой но шулдыр кадь мыным. / Жингырто ошмесъёс, вуюись ворекъя бус пöлын, / Луд вылын егитъёс тыл котыр бергало юмишаса. / Бусытй кот чурен туж мусо кыстйське геры бер, / Туноен вöсьясьёс куяло курегпуз но ю-тысь, / Тылсиос пазяло тöдды вал, тöдды ош, тöдды юсь... / Эй, сопал ярдурьёс, тапалан адзисько мон райез, / Верасал тйледлы бурмыны көня ке лушкеш кыл, / Но тйляд кесясько, жутскемын чашетйсь тöl шуку, / Ми палан туж шуньт, нош тйляд дугдытэк лымыя...» [Там же] – «Эй, те, кто живет на том берегу, что там, зима у вас, / А у нас готовится наступить весна – синее тепло, / Нагревает голову горячее солнце, зеленеет колос, / Какая-то птица клюет березовые сережки. / Сижу я на светлом камне, двенадцатилетний, / Очень хочется мне смеяться, очень хорошо и весело мне. / Звенят родники, радуга сияет в тумане, / На лугу молодежь гуляет, кружит вокруг огня, / Мокрой полоской поля красиво тянется след от плуга, / Молящиеся во главе с туно (главным жрецом) бросают яйца и злаки, / Искры разбрасывают белый конь, белый бык, белый лебедь... / Эй, те, кто на том берегу, / На этом берегу вижу я рай, / Произнес бы несколько слов, чтобы вы исцелились. / Но у вас там кричат, поднялся пеной шумящий ветер, / А у нас очень тепло, а у вас идет снег без конца...». Поэту интересно перемещать читателя в неизведанную реальность – туда, где никто никогда не был. П. Захаров любит прорисовывать иные миры, придумывать мифические отражения действительности (исторической, современной). Он поэт «фантазийного» мировосприятия, природа помогает ему в создании ирреальных пространственно-временных сфер.

Исследование природной символики в книге «Карас» П. Захарова, вмещающей два с половиной десятилетия творческой жизни поэта, а также в ряде его неопубликованных текстов показало, что рассматриваемый образно-изобразительный код продолжает оставаться сквозным текстообразующим элементом, однако значительно изменился его семантический контекст. Авторское обращение к социальной проблематике, авторская тяга к филологизации поэтического дискурса, постмодернистское стремление «спорить» с национальной традицией предопределили снижение выразительности, «живописности» образов природы. Если «ранний» Захаров был поэтом-художником, писавшим многоцветные пейзажи родной земли, передававшим богатство чувств, красок природных стихий, то Захаров 2000-2010-х гг. сосредоточивается на неомифологических «искажениях» действительности, увлечен творческой реконструкцией прошлой жизни удмуртов, пытается выразить невыразимое удмуртской ментальности, смоделировать идеальный удмуртский континуум. Кроме того, полифония современной литературы вынуждает поэта искать новые формы самораскрытия, зачастую сужающие или полностью исключают прежние эстетические приемы, художественные предпочтения.

Список литературы

1. Арзамазов А. А. Образы водной стихии в поэзии П. Захарова: вода-слеза-родник-море-дождь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 1. С. 33-38.
2. Арзамазов А. А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии: опыт анализа творчества П. М. Захарова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 232 с.
3. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
4. Владыкин В. Е. Удмуртский этнос и мифология // Удмуртская мифология / под ред. В. Е. Владыкина. Ижевск: УИИЯИЛ УрО РАН, 2004. С. 5-19.
5. Владыкин В. Е. Удмурты и река Кама: опыт рассмотрения этнокультурной соотнесенности // Природа и цивилизация: реки и культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 195-199.
6. Владыкина Т. Г. Образ родника в традиционной этнокультуре удмуртов // Родники Ижевска. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 9-19.
7. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯИЛ УрО РАН, 1998. 356 с.
8. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология / под ред. В. Е. Владыкина. Ижевск: УИИЯИЛ УрО РАН, 2004. С. 54-66.
9. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 320 с.
10. Захаров П. М. Йöмур но рай котырэтъёс: [кылбуръёс] // Инвожо. 2013. № 1. С. 7-8.
11. Захаров П. М. Карас: песни удмуртского шамана. Ижевск: Инвожо, 2010. 144 с.
12. Шутова Н. И. Гора в обрядах и мифологии удмуртов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск: УИИЯИЛ УрО РАН, 1999. С. 184-193.
13. Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. Вып. 2. С. 56-71.
14. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯИЛ УрО РАН, 2001. 340 с.
15. Эпштейн М. Н. Стихи и стихия: природа в русской поэзии XVIII-XX вв. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2007. 352 с.

**NATURAL AND LANDSCAPE CODE IN POETRY OF PETER ZAKHAROV:
IMAGES, MOTIVES, SEMANTIC BRINKS**

Arzamazov Aleksei Andreevich, Ph. D. in Philology
Udmurt Institute of History, Language and Literature
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
arzami@rambler.ru

The article considers the natural and landscape code in the poetry of Peter Zakharov – images, motives, chronotopes underlying his artistic perception of the world. The article ascertains some trends of the poetic harping of naturalistic symbolism, reveals the author's desire to go beyond the Udmurt lyric tradition, fixes the gradual decline of picturesqueness in the works of P. Zakharov, and the reduction of "landscape" poems amount.

Key words and phrases: natural landscape code; figurative symbolism; ethnophor; Udmurt picture of the world; Udmurt chronotopes; traditional culture; poetic tradition.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена выявлению сходства и различия в семантических структурах тувинского слова дужер и хакасского тўсер. Анализ семантических структур тувинского слова дужер и хакасского тўсер показал, что семантика рассматриваемых слов совпадает и в то же время отличается. Сходство проявилось в том, что в семантических структурах тувинского глагола движения дужер и хакасского тўсер выделяются одинаковые типы значений: основное (первичное) номинативное значение; производно-номинативное значение, мотивированное основным значением. Расхождение в семантике сопоставляемых слов заключается в том, что в семантической структуре тувинского слова дужер отсутствуют значения 'упасть откуда-либо' (ЛСВ₃), 'приземляться, снижаться, садиться' (ЛСВ₄), имеющиеся у хакасского тўсер. В свою очередь, у хакасского слова тўсер не обнаружено значение тонуть (ЛСВ₃), характерное для тувинского слова дужер. Это обусловлено тем, что каждый народ имеет свои специфические особенности в области языка, культуры, традиции.

Ключевые слова и фразы: глагол; тувинский язык; хакасский язык; лексическое значение; семантическая структура слова; лексико-семантический вариант; контекст.

Барыс-Хоо Валентина Сувановна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет
barys-hoov@mail.ru

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ ДУЖЕР 'СПУСКАТЬСЯ'
В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЕМАНТИКОЙ
ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ ТЎСЕР 'СПУСКАТЬСЯ' В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ®**

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-31170
«Категория пространства в языковой картине мира тувинцев-номадов».*

Цель работы – выявить и описать сходства и различия в семантической структуре тувинского многозначного глагола и его хакасского эквивалента.

Фактическим материалом для сопоставления по тувинскому, хакасскому языкам послужили данные «Тувинско-русского словаря» под редакцией Э. Р. Тенишева (1968), «Хакасско-русского словаря» под редакцией Н. А. Баскакова (1953), статьи А. Н. Чугуневой (2013).

В тувинском языке глагол дужер=‘спускаться’ является многозначным глаголом. В «Тувинско-русском словаре» зафиксированы следующие значения данного глагола: 1) спускаться, слезать, сходить; 2) падать, выпадать, опадать; 3) наступать, начинаться; 4) останавливаться где-либо; 5) тонуть, вязнуть; 6) как вспомогательный глагол обозначает действие, совершаемое стремительно [8, с. 27].

В хакасском языке лексема тўс=‘спускаться’ является многозначной. В «Хакасско-русском словаре» зафиксировано 13 значений: 1) спускаться, опускаться, сходить, слезать (сверху, с возвышенности); 2) высаживаться, выходить, сходить (с автобуса), слезать (с коня); 3) падать, выпадать, опускаться; а) упасть (свалиться) откуда-л.; б) выпасть; 4) приземляться, снижаться, садиться; 5) выпадать (об осадках); 6) падать, снижаться (напр. о ценах); 7) дуть (о ветре); 8) выпадать (о зубах, волосах); 9) спадать (о полноте); 10) останавливаться где-л., у кого-л.; 11) впадать, погружаться во что-л.; 12) облагаться, подвергаться штрафу; 13) в качестве вспомогательного глагола указывает на совершение внезапного и неожиданного действия [1, с. 243].